

RU

## Психологическое начало в романе «Выбор воды» Галы Узрютовой

Сырысева Д. Ю.

**Аннотация.** Цель исследования – раскрыть особенности психологизма в романе Галы Узрютовой «Выбор воды» (2024 г.). В статье рассмотрены формы репрезентации внутренней жизни личности, пытающейся изжить болезненный, крайне травматический опыт как утраты близкого человека, так и восприятия прошлого. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые нами были определены психологическая природа романа «Выбор воды» Галы Узрютовой, его своеобразие, выражающееся как в трансвременной и пространственной характеристике, так и в мифогенном потенциале, заложенном в образной системе. Помимо этого, новизна связывается с междисциплинарным характером проведенного исследования, который задается привлечением работ психологической, антропологической, культурологической направленности, необходимых для уточнения методологической базы. В результате исследования установлено, что психологизм в романе имеет экзистенциальную тональность, выражается, во-первых, на уровне макропоэтики в субъективации повествования, в усложненной композиционной структуре, в особом восприятии времени (прошлое-настоящее; круговая и линейная модели темпоральности), во-вторых, на уровне микропоэтики в ряде образов (рыба, пчела, удочка). Травматический опыт выражается в показе особых действий героини (ритуальная практика), интроспективного соотнесения ситуаций прошлого и настоящего (галлюцинации, воспоминания), также такими художественными приемами, как рекурсивная повествовательная техника, ретроспекция, абсурдный диалог.

EN

## The psychological principle in Gala Uzryutova's novel "The Choice of Water"

D. Y. Syryseva

**Abstract.** The research aims to reveal the specific features of psychologism in Gala Uzryutova's novel "The Choice of Water" (2024). The article examines the forms of representation of an individual's inner life as they attempt to overcome the painful, highly traumatic experience of both the loss of a loved one and the perception of the past. The scientific originality of the study lies in the fact that the psychological nature of Gala Uzryutova's novel "The Choice of Water" has been defined for the first time, along with its uniqueness, expressed through transtemporal and spatial characteristics as well as the mythogenic potential inherent in its figurative system. Furthermore, the originality is linked to the interdisciplinary nature of the research, which incorporates psychological, anthropological, and cultural studies to refine the methodological framework. The study establishes that psychologism in the novel carries an existential tone and is manifested: firstly, at the level of macro-poetics through the subjectivization of the narrative, a complex compositional structure, and a specific perception of time (past-present; circular and linear models of temporality); and secondly, at the level of micro-poetics through a series of images (fish, bee, fishing rod). The traumatic experience is expressed through the depiction of the protagonist's specific actions (ritual practice), the introspective correlation of past and present situations (hallucinations, memories), and artistic techniques such as recursive narrative, retrospection, and absurd dialogue.

### Введение

Актуальность данного исследования обусловлена научным интересом к литературе, апеллирующей, с одной стороны, к внутреннему миру человека, его душевной жизни и переживаниям, с другой стороны, к особенностям восприятия травматических событий. В современной русской (например, творчество Ольги Славниковой (Осьмухина, Гагарина, 2025), Галины Врублевской (Нужная, 2025), Марины Степновой, Евгении Некрасовой,

Оксаны Васякиной, Анны Старобинец (Бреева, 2023)) и русскоязычной национальной женской прозе (например, творчество Альбины Нурисламовой (Альбины Нури) (Сырысева, 2024), Анаит Сагоян (Сырысева, 2025), Гузель Яхиной (Султанов, 2022), Зинаиды Катковой (Пендельская, Кудрявцева, 2025)) можно найти примеры обращения к травматическому, которое может приобретать различные формы репрезентации и воплощения в художественной канве произведения. Обращение к произведению Галы Узрютовой способствует не только углубленному анализу поэтики романа, но и пониманию женского письма, стратегии описания болезненных событий.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить особенности темпоральных моделей, воплощенных в романе Г. Узрютовой и маркирующих определенные состояния сознания главной героини;
- установить формы репрезентации психологизма в романе «Выбор воды» Г. Узрютовой;
- описать художественные приемы, используемые для выражения психологического начала в романе Г. Узрютовой.

Методологическую основу исследования составляют такие методы, как метод целостного анализа художественного произведения (для осмысления поэтики романа в проблемно-тематическом единстве), психопоэтический метод (для интерпретации особых психоэмоциональных состояний, травматического опыта, форм внутренней душевной жизни), мифопоэтический метод (для интерпретации акватических, танатологических мотивов и образов).

Материалом исследования послужил роман «Выбор воды» Галы Узрютовой (2024), в котором психологизм приобретает экзистенциальную направленность.

Теоретической базой послужили труды отечественных исследователей, как положивших начало рассмотрению психологизма в прозе, с опорой на разработки советских психологов и К. Юнга (Гинзбург, 1976), так и рассматривающих более детально психологическое начало русской литературы (Есин, 2025), приемы, способы воссоздания внутренней жизни личности – психопоэтику (Эткинд, 1999). Рассмотрение травматического опыта, болезненных переживаний, находящих выражение в навязчивых повторениях действий, галлюцинациях, было произведено с опорой на отечественные исследования (Трубицына, 2005; Травма: пункты, 2009; Мороз, Суверина, 2014; Хорева, 2022), также на зарубежные исследования (Энергия травмы, 2023; Hartman, 1995). Для характеристики трансемпоральности привлекаются исследования психологов, работающих в русле экзистенциальной психологии и психотерапии (Лукиянов, 2006; 2009; 2010; Элленбергер, 2016). Кроме того, были привлечены работы, в которых делаются попытки рассмотреть как особенности женского письма (Афанасьев, 2022; Фесенко, 2022; Эконен, 2011; Пастухова, 2010; Воробьева, 2006), так и особенности литературы «тридцатилетних», где травматический дискурс становится доминирующим и объясняется жизненными реалиями конца XX века, временем становления личностей авторов (Алтынбаева, Дорофеева, 2023).

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования рассмотренного произведения в изучении современной русской литературы. Материалы, результаты и общие выводы могут быть применены при разработке курсов по стратегиям и практикам женского письма, теории литературы, истории русской литературы первой четверти XXI века, а также спецкурсов, спецсеминаров и лекций.

## Обсуждение и результаты

Название романа «Выбор воды» Галы Узрютовой имплицитно двусмысленно: в зависимости от прочтения фокус может быть смещен как в сторону я-сознания героини, ищущей воду для ритуала (коррелирует с сюжетно-фабульной организацией, с уровнем макропоэтики романа), так и в сторону доминирующей акватики, где именно вода производит выбор, заставляя совершать те или иные действия (коррелирует с мотивно-образной системой, с уровнем микропоэтики романа). Повествование в романе Галы Узрютовой «Выбор воды» ведется от лица героини (прием *Ich-Erzählung*), благодаря чему изображение внутреннего мира и психоэмоциональных переживаний доминирует.

Роман имеет сложную композиционную структуру, благодаря которой раскрываются те или иные события, преломляющиеся в травмированном сознании героини – молодой женщины Киры. Основная линия повествования связана с событиями настоящего, происходящими на берегу словенского озера Бохинь в сентябре 2018 года, вокруг которого идет Кира для того, чтобы найти место, где можно избавиться от костей животных и рыб в рюкзаке, выполнить своеобразный освобождающий от бремени прошедшего ритуал. В плоскости прошлого показываются как путешествие героини по странам Европы, так и воспоминания о детстве на берегу Волги. Движение Киры вокруг озера становится ключевым, поскольку события прошлого отсчитываются именно от времени пребывания на Бохине.

В восприятии героини совмещаются несколько временных моделей (линейная и круговая), что позволяет говорить об особом чувстве времени, трансемпоральности, задающей экзистенциальную тональность психологизма в романе. Основным образом для восприятия времени как круга в сознании Киры является некое колесо. Озеро Бохинь – это «то же колесо», и «я сама верчу его, когда иду вокруг» (Узрютова, 2024, с. 25). Более того, само «стремление к воде – желание вернуться в то время, когда человек жил у реки, зная, что и как устроено» (Узрютова, 2024, с. 25). Это почти возвращение в первовремя, чреватое мифогенностью. Колесо не связано с конкретной личностью, поскольку попытка человека выйти из круга дала бы возможность увидеть, «что колесо продолжит крутиться без него. Что колесу неважно, кто его крутит» (Узрютова, 2024, с. 25). Вода же имеет

универсальный характер, пронизывает все пространство и объединяет: «Стоишь ли ты на берегу Волги или на берегу Бохиня, не поймёшь – то ли Волга, то ли Кокра, то ли Ганг. Одно слово – вода. Одна река, текущая через весь мир» (Узрютова, 2024, с. 201).

Линейная модель времени присутствует в романе (фабульное устройство), но она как будто дискретна, нуждается в реконструкции. Эпизоды прошлого перемежаются с событиями более раннего времени и настоящего момента. Героиня вспоминает события детства и путешествия по странам отрывочно, хаотично, руководствуясь сильными эмоциональными переживаниями, справится с которыми ей помогает лекарство от тревожных состояний. Кира сомневается в таком восприятии времени: «Не думаю, что время – это прямая линия, с которой мы не можем свернуть» (Узрютова, 2024, с. 57). Она пытается волевым усилием выстроить свою жизнь, управляя временем: «Я хочу – сворачивать, задерживаться в тени, в переулках» (Узрютова, 2024, с. 57). Для героини значимым оказывается то, что остается в памяти, в результате событийный ряд меняет последовательность, перестает быть линейным. В переписке с Эвереттом героиня пытается охарактеризовать константы, которые выражаются линейно и циклично: «У прямой линии нет конца, а у круга – есть» (Узрютова, 2024, с. 303). Но это подвергается сомнению: «Или человеку так кажется» (Узрютова, 2024, с. 303). Параметры мироустройства как будто колеблются в зависимости от взгляда наблюдателя. Движение вперед также чревато циклическим повторением, поскольку «идти – всегда двигаться к точке, с которой начал» (Узрютова, 2024, с. 213). Если гид, рассказывая про периметр озера Бохинь, составляющий двенадцать километров, полагает, что пешие путешественники смогут пройти вокруг за три или четыре часа, то Кира рассуждает иначе: «Есть километр общепринятый, а есть – личный. Он то увеличивается, то сокращается. У озера мой личный километр явно удлинился» (Узрютова, 2024, с. 198). Ее путь растягивается на несколько суток из-за разговоров с мимо проходящими туристами, ночевки в гостевых домах, переживаний, выражающихся в галлюцинациях и трансовых состояниях. Погружаясь в мир прошлого, она застывает настолько, что некий мужчина даже сравнивает ее замершую на берегу озера фигуру со статуей.

Сюжетно-фабульная организация романа связывается с ритуалом прощания, который пытается совершить Кира в разных географических точках. Этот ритуал возникает как реализация совета от активиста-вегетарианца Питера, с которым Кира познакомилась во время командировки на озере Эккен. Молодой человек, выслушав исповедь Киры об отказе от потребления мяса, предполагает, что это «такая психологическая защита», поскольку «срочно понадобилось заглушить вину» (Узрютова, 2024, с. 37). Питер говорит, что можно придумать какой-нибудь ритуал избавления, например, связанный с водой. Он советует Кире найти «озеро побольше» (Узрютова, 2024, с. 39). Девушка начинает искать место, где она может избавиться от костей в мешке, символизирующих ее прошлое, вину и травму. Географические точки, в которых перемещается Кира, связываются с Северной (Норвегия, Великобритания, Нидерланды, Балтийское побережье), Южной (Венеция, Атлантическое побережье), Центральной (Словения, Германия) Европой. Север и Юг как будто не приносят героине успокоения, Центр же как будто примиряет крайности (именно в Словении Кира освобождается от груза прошлого). Молодая женщина попадает в странные ситуации, которые как вызваны чувством раздражения (например, на Нерёй-фьорде она выкидывает в воду фотоаппарат японок, которые просят Киру их фотографировать), так и необходимостью врать (например, в аэропорту Великобритании Кира рассказывает о том, что кости – амулеты, которые необходимы для укрепления здоровья ее бабушки). Осознание того, что дальше такое поведение (поездки по миру в поисках необходимого места) невозможно, наступает на крыше небоскрёба в Любляне, когда переживающий стресс организм Киры не принимает пищу, из-за чего её тошнит. Неприятие окружающей действительности, душевный надлом и сама ситуация (тошнота), в которой героиня оказалась, заставляют ее взять ответственность за свою жизнь в собственные руки и начать действовать, вызывают ассоциации с романом Ж.-П. Сартра «Тошнота». Если в начале изживания травмы Кира чувствует некую пустоту между ребер, когда сотрудники аэропорта изымают кости для проверки, то позднее она, забыв свой рюкзак, даже не вспоминает о нем (освобождение).

К ритуалу прощания примыкает еще одно действие героини, которое воспринимается как некоторая навязчивость поведения, а именно то, что она пишет свой номер телефона на камне в том месте, где впервые оказывается. Кира вспоминает, что ни разу ей никто не звонил и не писал. Однако, когда она идет вокруг озера Бохинь, ей приходит сообщение от Эверетта, с которым она начинает переписываться. Также по мере того, как Кира изживает травмированное прошлое, в ее сознании начинает звучать считалка из детства (отдельными фразами), ближе к концу романа становящаяся целым стихотворением.

Психологизм в романе также имеет выражение, помимо внутреннего конфликта, связанного с травмированным сознанием героини, во внешнем конфликте «отцов и детей», когда младшее поколение становится иным, как будто находится в поиске каких-то других ориентиров, которые не могут принять и понять представители старшего поколения. Если отец Киры выражает недоумение, внутренне не понимая свою дочь, то мать констатирует, что «вашему поколению ничего не нужно», «вы – как в вакууме», «поколение чистого снега» (Узрютова, 2024, с. 122). Мать Киры пытается сказать, что ее поколению что-то было нужно, но не может сформулировать, что именно. Другой отец, Алеш, в разговоре с Кирой на озере Бохинь возмущается поведением своего сына, сравнивает поколение молодых с бездомными, затрудняясь подобрать четкое слово для характеристики: «Вы люди, которые... которые... даже определения вам дать не могу. Нет такого слова» (Узрютова, 2024, с. 137). Берлинский художник Ламмерт Котлета, у которого Кира и Густавс берут рабочее интервью, рассуждает на камеру о сложном восприятии поколений, противореча сам себе. С одной стороны, он отмечает наличие комплексов, вялость молодых, подчеркивает их неприспособленность к жизни, а с другой стороны,

отмечает повышенную серьезность. Ламмерт, которому около пятидесяти лет, как и мать Киры, констатирует, что его поколение было другим, но также затрудняется сказать, в чем различие. Более того, в телефонном разговоре с Кирой выясняется, что Ламмерт, по сути, играл на публику, создавая имидж художника-интеллектуала и убежденного вегетарианца. Он не может помочь своей матери справиться со стрессом, но, понимая это, готов поступиться принципами, о которых убежденно рассказывал (ест жареное мясо, чтобы его мать не расстроилась). Внутренний конфликт Ламмерта становится неразрешимым, лишь смягчается острота его звучания. Сложной интертекстуальной парафразой звучат слова романа о величии природы, торжестве водной стихии, вызывая ассоциации с последними строками романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева: «Чайки разлетаются, оставляя поверхность реки такой же, какой она была до них. До всего» (Узрютова, 2024, с. 263). Возвращение в родные места возможно, как и примирение различных поколений, но с искажениями памяти: «Возвращаясь всё в те же места, мы вдруг понимаем, что никогда здесь не были» (Узрютова, 2024, с. 284).

Психологическое начало в романе выражается с помощью приема абсурдного диалога или «диалога глухих», во время которого собеседники не слышат друг друга, каждый говорит лишь о том, что интересно лишь ему. Разговоры Киры с матерью служат примерами такой коммуникации. Если Кира еще пытается сохранить некоторое подобие логичности, проявляя желание выслушать, то ее мать проявляет нетерпение, а ее мысли как будто перескакивают с одного предмета на другой (например, «Скорми эту дрянь бездомным псам – и всё. В Словении есть уличные собаки? Представляешь, скунс пропал!» (Узрютова, 2024, с. 12)). Мать с большим увлечением рассказывает Кире, которая звонит ей крайне редко, про скунса, опоссума, енота, которых подкармливают, наблюдая за их жизнью через расставленные веб-камеры в штате Огайо, чем выслушивает о подробностях жизни и душевных переживаниях. Когда мать начинает говорить о просьбе Фёдора отдать удочку, Кира не отвечает на упрекающую реплику («Зачем она тебе? Ты же ненавидишь рыбалку. Пусть бы его друг пользовался» (Узрютова, 2024, с. 11)), а затем переводит разговор на другую тему. Отсутствие эмпатии со стороны близкого человека лишь усиливает чувство одиночества, покинутости, затягивает изживание травмы Киры.

Помимо внутреннего монолога формой выражения психологизма становится поток сознания, что связывает показ мира через ощущение, которое задает доминанты культурного самоосуществления и субъективизирует повествование: «Если я хочу увидеть что-то другое – нужно лишь на это посмотреть. Оно сбывается в ту же минуту – и не проходит, пока я не перестану его разглядывать» (Узрютова, 2024, с. 166). Перечисление предметов, на которых фиксируется мысленный взгляд, обращенный в прошлое и апеллирующий к памяти, также маркирует поток сознания героини. Переписка с Эвереттом, незнакомцем, который, найдя на камне номер телефона Киры, решает ей написать, становится попыткой самопостижения, при которой неведомый собеседник воспринимается как психолог, готовый выслушать и сопереживать.

Травма выражается в сознании Киры через галлюцинации, которые она видит, с одной стороны, находясь в стрессовом состоянии, а с другой стороны, вглядываясь в игру света и тени. Находясь в Люблине и наблюдая за чугунными собаками перед парковым замком, созданными скульптором Антоном Домеником Фернкорном, Кира как будто дает им команду следовать за ней. Игра света и тени, созданная дымкой тумана, приводит к тому, что собаки «тихо идут» за девушкой (Узрютова, 2024, с. 51). В гостевом домике на озере Бохинь Киру пугает галлюцинация, связанная с горами, которые она видит из окна. Вершины гор как будто приближаются, угрожающе увеличиваясь. Девушке кажется, что горы её задавят, оказавшись в пространстве комнаты. Более пугающая галлюцинация, спровоцированная запахом жареного мяса и связанная с чувством вины, возникает в сознании Киры, когда она смотрит на воду в озере Бохинь: «Все, кого я когда-либо ела, теперь плавают в озере Бохинь. Вода покраснела – их кровь, их цвет. Они не просят о помощи, они – напоминают. Их так много, что озеро просто не может переварить съеденное. Оно разбухает и выходит из берегов, трогая мои ноги. Вина всегда казалась мне чем-то холодным. Но вина тепла. Она обволакивает уже по щиколотку и целится на колени. Скоро озеро дойдёт до пояса, и я с трудом смогу двигаться» (Узрютова, 2024, с. 24). На пляже Схевенингена в Нидерландах Киру пугает колесо обозрения, которое, как ей кажется, сорвалось с удерживающих опор и несется прямо на нее. Рюкзак с костями также способствует возникновению галлюцинаций, поскольку Кира воспринимает кости, лежащие в нем, как «большое стадо» (Узрютова, 2024, с. 47). Это стадо тихо, спокойно, но всегда преследует девушку: «Стоит только обернуться – и они исчезнут, но я знаю: они там» (Узрютова, 2024, с. 47). Возможно, из-за повышенной тревожности Кира переживает феномен олицетворенного осознания, выражающийся в постороннем присутствии некоего стада, которого нет, но которое она чувствует.

О том, что Кира пережила сильный травмирующий опыт (смерть отца, с которым были напряженные отношения), выясняется ближе к концу романа. Приехав на похороны, произошедшие за семь лет до поездки на Бохинь, героиня как будто отстраняется, не в состоянии принять сам факт утраты. Её сознание фиксирует детали («Жильцы многоэтажки несли рассаду, мясо на шашлык, телевизоры, антенны, мешки с углём, собак и кошек» (Узрютова, 2024, с. 340)). Она отрицает то, что перед ней ее отец («Когда отца принесли в дом, его лицо было как будто в гриме того, кто улыбался» (Узрютова, 2024, с. 341)). У отца как будто появляется инфернальный улыбающийся двойник. Героиня повторяет мысленно одни и те же фразы, которые как будто ее успокаивают («Это был не он» (Узрютова, 2024, с. 341); «Нет, это не он» (Узрютова, 2024, с. 341)).

Событие, случившееся в прошлом, влияет на героиню, связывается ассоциативно с тем или иным образом, который как будто усиливает состояние психологической травмированности. Девушка вспоминает о том, что после смерти отца, занимавшегося пчеловодством и рыбалкой, попытки восстановить пасеку заканчиваются неудачно. Кира и ее мать пробуют выставить улей весной, но понимают, что пчелы либо погибли от холодов, либо улетели.

Пчелы же, привыкшие к другому хозяину, сначала пытаются опознать Кириного отца («Кого-то искали» (Узрютова, 2024, с. 345)), но не найдя его, улетают в сторону леса. Лишь одна пчела возвращается, ползает по лицу Киры. Девушке же кажется, что это почти возвращение отца («Это он» (Узрютова, 2024, с. 345)). Позже, в Словении, оказавшись на крыше небоскрёба, где стоят ульи для словенских карниоланских пчел, Кира как будто вновь переживает ситуацию семилетней давности: она инстинктивно сжимает руку, и испугавшаяся, спокойная пчела ее жалит.

Другим образом, ассоциативно связывающимся с прошлым травматическим опытом, становится образ рыбы. Кира полагает: «Мой дом – это гигантская рыба, если он пахнет рыбой», – представляет себя в ихтиологической призме («Может, я – тоже рыба» (Узрютова, 2024, с. 65)). Героиня сама осознает себя в ситуации жертвы травмы, пытаясь ее изжить. Будучи маленькой, героиня подружилась с окунем, которого поймал в Волге ее отец, дала ему имя Руфус, полагая, что «стоит дать кому-то имя – и он всегда будет живым» (Узрютова, 2024, с. 65). Но ее мечты жестоко разрушаются: вернувшись домой из школы девочка понимает, что Руфус был убит и приготовлен на ужин. Кира же сохраняет его рыбий скелет, который станет частью костей в ее рюкзаке. В Словении она видит пожилую пару, снимающую видео для своих детей, на котором они пытаются не только похвастаться своим отдыхом на озере, но и поделиться своими изобретениями. Так, мужчина, уже пожилой оперный певец, рассказывает о том, что он сделал трафарет в виде некой рыбы. Когда же он обводит его синей краской, приложив к спинке стула, Кира видит окуня. Она оказывается в ситуации травмированного прошлого, что выражается в том, что от воды ее «резко тошнит» (Узрютова, 2024, с. 218). Ситуация, вызванная наблюдением за рыбой, повторяется на речке, на которую Кира отправляется с отцом за восемь лет до поездки Бохинь. Эта их встреча превращается в скандал. Отец Киры обвиняет ее в том, что она равнодушна, не пытается заинтересоваться тем, что важно для него, как будто старается его избегать. Отец недоумевает, почему дочери не интересны ни пчеловодство, ни рыбалка: «Нет, тебе ничего не надо! Как ты дальше-то жить будешь?» (Узрютова, 2024, с. 246). Кира же обвиняет отца в бесчувствии, поскольку он не может понять ее душевных переживаний (распавшийся брак): «Рыба для тебя всегда была важнее людей!» (Узрютова, 2024, с. 246). При этом триггером, из-за которого началась конфликтная ситуация, стал окунь, которого в этот момент выловил отец. Сознание Киры крайне болезненно соотносит ситуации прошлого и настоящего: «Окунь в пакете дёргался и просил воды. Совсем как Руфус» (Узрютова, 2024, с. 246). Отец уходит, оставляя Кире лишь удочку как память о себе. Эта отремонтированная удочка станет камнем преткновения с соседом Фёдором, который хочет победить на соревнованиях по рыболовству, уверенный в том, что именно с этой удочкой он достигнет успеха. Он звонит Кире, для которой этот предмет является символом памяти, но она не берет трубку. Рассуждения героини принимают форму внутреннего монолога («Фёдор, друг отца, звонил уже три раза, но ему я тоже не ответила. Зачем опять просить удочку, если тебе уже десять раз сказали, что она не продается?» (Узрютова, 2024, с. 23)). После изживания травмы Кира соглашается отдать удочку, которую ее мать передает соседу. Именно мать Киры, открыв сарай, обнаруживает, что отец сильно переживал за жизнь Киры, собирая вырезки из журналов и газет с ее публикациями, хранил ее старые вещи. Девушка же принимает это, поскольку «всё, что я до сих пор не могу найти, – там, внутри» (Узрютова, 2024, с. 354). Возвращение в мир детства становится исцелением и прощением, символом которого выступает вновь звучащая в сознании Киры считалка про волка, отрывки и фразы которой героиня вспоминает на протяжении своего пути вокруг Бохиня.

## Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам, соответствующим поставленным в начале исследования задачам.

Во-первых, в романе Галы Узрютовой «Выбор воды» благодаря обращению к междисциплинарным исследованиям и применению метода целостного анализа художественного произведения прослеживаются несколько темпоральных моделей (круговая, линейная). Их взаимное совмещение в сознании главной героини позволяет говорить об особой трансвременности, которая апеллирует к экзистенциальному мировосприятию. К особенностям круговой темпоральной модели в романе можно отнести восприятие времени как колеса, которое как равнодушно к конкретной личности, так и связано с мифогенностью (возвращение в первовремя; чувство водной стихии). К особенностям линейной темпоральной модели в романе можно отнести дискретность и хаотичность. Темпоральные модели маркируют внутренний душевный мир героини: круговая – мир настоящего, перемещения вокруг озера Бохинь и необходимость изживания травматического опыта, вызванного переживанием утраты и вины (в основном, сюжетная организация романа); линейная – мир прошлого героини, а именно те события, которые оказали сильное влияние на ее психоэмоциональное состояние (в основном, фабульная организация романа).

Во-вторых, благодаря применению психопозитического метода прослеживаются такие формы репрезентации психологизма в романе, как поток сознания и внутренний монолог, с помощью которых дается субъективированный показ мира через самоощущения героини, связанные с этим интроспекция, воспоминания и рекурсия; как косвенная форма психологизма, выражающаяся через внешний конфликт, соотносящийся со спором «отцов и детей»; спором разных поколений; как прямая форма психологизма, выражающаяся через внутренний конфликт, связанный с травмированным сознанием главной героини, через повествование от 1-го лица.

В-третьих, благодаря применению психопозитического и мифопоэтического методов прослеживаются художественные приемы выражения психологизма в романе «Выбор воды». К ним относятся: прием абсурдного

диалога или «диалога глухих» (коммуникация героини с матерью); ретроспекция (показ событий прошлого); галлюцинации. Выделяется ряд образов, маркирующих ситуацию травмы (прошлое) и ее изживание (настоящее), а именно – рыба, пчела, удочка.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать, во-первых, выявление психологизма в прозаическом и драматическом творчестве Галы Узрютовой; во-вторых, установление особенностей психологизма, а именно способов репрезентации травматического опыта в современной русскоязычной женской прозе в сравнительно-сопоставительном аспекте.

### Материалы исследования | Research materials

1. Травма: пункты: сборник статей / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
2. Узрютова Г. Выбор воды. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024.

### Источники | References

1. Алтынбаева Г. М., Дорофеева Ю. Г. «Проза отчаянного поколения»: основные черты литературы «тридцатилетних» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 3.
2. Афанасьев А. С. Стратегии гендерных репрезентаций в русской женской литературе 1980-2010-х гг.: дисс. ... д. филол. н. Казань, 2022.
3. Бреева Т. Н. Трансформация автобиографического нарратива в русской гендерно-маркированной прозе 1990-2020-х годов // Филология и культура. 2023. № 3 (73). <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2023-73-3-87-92>
4. Воробьева Н. В. Женская проза 1980-2000-х годов: динамика, проблематика, поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2006.
5. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1976.
6. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Флинта, 2025.
7. Лукьянов О. В. Самоидентичность как условие устойчивого человека в меняющемся мире: автореф. дисс. ... д. псих. н. Томск, 2009.
8. Лукьянов О. В. Транстемпоральный принцип успешности психологической практики // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2006. № 2.
9. Лукьянов О. В. Фактор времени в системе психологических интерпретаций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 2.
10. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125).
11. Нужная Т. В. Психологический реализм современной женской прозы: Г. Врублевская «Женщина с чужим паспортом» // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2025. № 11 (127).
12. Осьмухина О. Ю., Гагарина Д. Ю. Феномен психологизма в романе О. Славниковой «Прыжок в длину» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 9. <https://doi.org/10.30853/phil20250528>
13. Пастухова Е. Е. Русская «женская проза» рубежа XX-XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2010.
14. Пендельская Е. А., Кудрявцева Р. А. Поэтика психологизма в малой русскоязычной прозе Зинаиды Катковой // Филология: научные исследования. 2025. № 11. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2025.11.76215>
15. Султанов К. К. Травматический опыт и антропологическая доминанта. Гузель Яхина // Вопросы литературы. 2022. № 6. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2022-6-13-31>
16. Сырысева Д. Ю. «Есть ощущение, что меня обманывают...»: особенности психологизма в романе А. Сагоян «Дом из парафина» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 2. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2025-35-2-371-376>
17. Сырысева Д. Ю. Специфика психологизма в романе А. Нури «Глоток мертвой воды» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2.
18. Трубицына Л. В. Процесс травмы. М.: Смысл; ЧеРо, 2005.
19. Фесенко Э. Я. К вопросу о специфике женской прозы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2022-3-105-111>
20. Хорева Л. Г. Дискурс травмы в литературе: к истории вопроса // Языки истории и языки литературы: коллективная монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022.
21. Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
22. Элленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Теория и практика экзистенциальной психологии: сборник статей. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016.
23. Энергия травмы: сборник научных статей / под ред. Т. Е. Автухович. Гродно: Из-во ГрГУ, 2023.
24. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопозитики русской литературы XVIII-XIX вв. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1999.
25. Hartman G. H. On Traumatic Knowledge and Literary Studies // New Literary History. 1995. Vol. 26. № 3.

### Информация об авторах | Author information

RU

Сырьсева Диана Юрьевна<sup>1</sup>, к. филол. н.

<sup>1</sup> Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

EN

Diana Yuryevna Syryseva<sup>1</sup>, PhD

<sup>1</sup> A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

<sup>1</sup> [syryseva97@mail.ru](mailto:syryseva97@mail.ru)

### Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.03.2026; опубликовано online (published online): 30.03.2026.

**Ключевые слова (keywords):** психологическая травма личности; субъективизация повествования; транстемпоральность; современная русская проза; Гала Узрютова; psychological trauma of the individual; subjectivization of narrative; transtemporality; contemporary Russian prose; Gala Uzryutova.